

Влияние островного
статуса группы на
систему ценностей:
к вопросу об
идентичности
старообрядцев
Польши по данным
языка*

**Максим Максимович
Макарцев**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

The Influence of the
Island Status of a
Community on Its
System of Values:
On the Identity of
the Old Believers
in Poland through
Their Language

Maxim M. Makartsev

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена системе ценностей и идентичности старообрядцев северовосточной Польши. Она основана на автогенерируемых описаниях, полученных в открытом интервью во время экспедиции 2016 года. Информантам задавался вопрос “Как бы вы описали старообрядцев? Какие они для вас?”. Полученные ответы можно анализировать разными способами. В данной статье внимание обращается на структуру лексического поля реакций, которое описывается в терминах одной из универсальных классификаций ценностей (Й. П. ван Уденховена и Б. де Раада, подход “снизу вверх”). Лексическое поле реакций определенным образом отражает систему ценностей. Таким образом, анализ реакций на вопрос интервью дает возможность описать систему

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 16-18-02080 “Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы”.

ценностей. Самым важным ценностным фактором у опрошенных информантов является “духовность”, которая мотивирует как первичный и как вторичный фактор большинство их реакций. Среди прочих важных факторов — “благожелательность”, “организация” и “достижение”. Полученная таким образом иерархия ценностных факторов сравнивается со списком оппозиций, через которые может быть определена идентичность островных сообществ (разработана А. А. Плотниковой): язык, религия, культурная традиция, тип расселения (компактное / дистантное), гражданство. Религия является наиболее важным параметром по числу реакций. Культурная традиция и тип расселения определяют некоторые из реакций. В то же время язык и гражданство не играют никакой роли в ответах. Гражданство — поскольку все информанты являются польскими гражданами. Язык — по причине языкового сдвига в сообществе, которое включает в себя также говорящих на польском языке, чье знание русского достаточно ограничено и пассивно.

Ключевые слова

русский язык за рубежом, старообрядцы Польши, славянские островные группы, идентичность, система ценностей

Abstract

The article considers the identity and system of values of the Old Believers in north-eastern Poland. The data for the article were open interviews eliciting self-generated labels, which are then compared with the typology of other Slavic island communities. Each of the informants was asked the questions: “How would you describe Old Believers? What are they like in your opinion?” The answers can be analyzed from various viewpoints. In the article, the scope of analysis is the structure of the lexical field of the reactions. It is then described in terms of one of the existing universal classifications of values (by J. P. van Oudenhoven and B. de Raad, a bottom-up approach). It is argued that the lexical field of the reactions reflects in a specific way the system of values, thus the analysis of the reactions to the interview questions allows for an assessment of the system of values. The most important factor is spirituality, which defines the majority of the reactions. Among other important factors are benevolence, organization, and achievement. This hierarchy is then compared to the list of the oppositions through which the identity of island communities can be defined (created by Anna Plotnikova, a top-down approach): language, religion, cultural tradition, type of incorporation into the society of the majority (dispersed vs. compact dwelling), and citizenship. From the enumerated parameters, religion seems to be the most important. Cultural tradition and type of incorporation seem to condition some of the reactions. At the same time, language and citizenship do not play any roles in the answers of the informants. Citizenship due to the fact that the group members only have Polish citizenship, so it is not an option to take part in creation of community identity. Language because linguistic shift has already started, so the community includes also Polish speakers whose knowledge of Russian is very limited and passive.

Keywords

Russian language abroad, Old Believers in Poland, Slavic island communities, identity, system of values

Старообрядцы Польши — миноритарная этноязыковая и культурно-конфессиональная группа в Северо-Восточной Польше, компактно расселенная в небольших анклавах в Подляшском и Варминьско-Мазурском воеводствах. Их основными центрами являются города Августов и Сувалки (в Сувалках находится большая моленная и управляющий совет старообрядцев Польши), села Габове-Гронды и Бур Августовского повята (фактически это один населенный пункт, разделенный на две части шоссе), село Водилки Сувальского повята, село Войново Пиского повята. История старообрядцев Польши восходит к XVII–XVIII векам. Село Габове-Гронды, в котором на настоящий момент старообрядцы по-прежнему являются доминирующей группой, было основано в 1865 году переселенцами из сувальско-сейненского региона. В межвоенный период духовный центр старообрядцев Польши находился в Вильне. Во время Второй мировой войны большинство старообрядцев было выслано в Германию (прежде всего в Восточную Пруссию), откуда после войны вернулись не все — многие предпочли остаться в Латвии или Литве. В настоящее время общины старообрядцев имеют субурбанный характер: многие члены общин переселились в города (прежде всего Августов и Сувалки), многие живут в селах, но ездят на работу в Августов или Сувалки. Все старообрядцы Польши принадлежат к поморскому согласию¹ [GREK-PAWISOWA 1999: 54–55; RAŚKO-KONIECZNIK 2016: 15]; там же см. исторический очерк расселения старообрядцев на территории современной Польши; см. также очерк истории старообрядцев сувальско-августовского региона и их социолингвистическое исследование в [GŁUSZKOWSKI 2011]; см. обзор языковой и этнолингвистической ситуации в [ГАНЕНКОВА 2017Б]).

Старообрядцы Польши по крайней мере в селах Габове-Гронды и Бур имеют статус островной группы (в других районах Польши можно говорить скорее о дисперсном расселении). Островной характер старообрядцев Польши, их удаленность от материнского ареала, противопоставленность как окружению, так и материнскому ареалу, создают сложную ситуацию, в которой вопросы идентичности и взаимодействия с окружением играют особую роль.

Идентичность можно описать как социальный дейксис, который позволяет задать положение говорящего по отношению к другим индивидуумам и группам людей *sub specie* оппозиции *свой — чужой* (которую обычно рассматривают как одну из базовых для модели мира — [Цивьян 2009: 6]). М. Бухольц и К. Холл описывают идентичность как

¹ В настоящее время они объединены в две церковных структуры: Восточную старообрядческую церковь Польши (к ней относится большинство старообрядцев Польши) и Древлеправославную церковь старообрядцев.

“реализацию культурного семиозиса, воплощаемую в производстве релевантных социополитических связей сходства и различия (*similarity and difference*), аутентичности и неаутентичности (*authenticity and inauthenticity*), легитимности и нелегитимности (*legitimacy and illegitimacy*)” [BUSNOLTZ, HALL 2004: 382]². Понимаемая таким образом идентичность имеет несколько важных параметров: она зависит от (социального) контекста, является динамической категорией (постоянно воспроизводится в зависимости от динамики контекста, ср. с проблематикой позициональности в этнографическом исследовании) и не существует без фона (*свое* задается через не-*свое*, то есть *чужое*; границы *чужого* определяют границы *своего*).

Одной из проблем в исследовании идентичности является ее в высшей степени субъективный характер. При прямом вопросе об идентичности собеседника, его группы и их отношении к некоторым другим группам может быть получен самый разный набор ответов (в зависимости от того, кто спрашивает, в каком контексте, кто при этом присутствует, ведется или не ведется запись и т. д.), но даже если ответы унифицированы, влияния наблюдателя нельзя исключить. При исследовании миноритарных групп роль фактора субъективности возрастает, поскольку информанты могут опасаться нанести вред группе и снизить потенциал ее выживания в потенциально недружественном окружении. Таким образом, встает вопрос о том, можно ли в принципе делать верифицируемые утверждения об идентичности группы.

Конечно, при описании всех параметров (контекста и т. д.) выявляются предполагаемые источники интерференции, а позициональный подход (см., например, [МАНЕР, ТЕТРЕАУЛТ 1993]) позволяет показать, какие именно элементы идентичности исследователя повлияли на идентичность информанта. При длительном включенном наблюдении (*participant observation*) возможно набрать некоторый достаточный материал для исключения вероятных факторов интерференции. Но есть ли другие способы? Каким образом подбирать стимулы для интервью так, чтобы в сжатые сроки получить некоторый набор устойчивых параметров для описания идентичности группы?

В настоящей статье описывается опыт исследования идентичности миноритарной этноязыковой и культурно-конфессиональной группы старообрядцев Польши (Сувальский регион) методом автогенерируемых описаний, результаты которого накладываются на типологию островных групп.

Метод автогенерируемых описаний восходит к психолексическому подходу в психологии, который предполагает разработку таксономии

² Здесь и далее перевод автора статьи, если не указано иное.

для описания личности на основе естественного языка: “Наиболее явные индивидуальные и социально релевантные для жизни людей различия находят выражение в их языке” [JOHN ET AL. 1988: 174] (там же см. библиографию вопроса)³. Он предполагает анализ идентичности и других характеристик группы на основании автоописаний в полуструктурированных интервью. Материал автоописаний структурируется и описывается на основе частноязыковых или универсальных психолексических моделей, созданных по данным словарей: списки эпитетов для описания личности, извлеченные из словарей, выстраиваются в некоторые тематические ряды, проходят тестирование с информантами, экспертную оценку, после чего сводятся в еще более крупные кластеры. В современной психологии принят список из пяти элементов-мегакластеров, называемый “Большая пятерка” (англ. *Big Five*): экстраверсия (*Surgency*), уступчивость (*Agreeableness*), сознательность (*Conscientiousness*), эмоциональная стабильность (*Emotional Stability*), интеллект (*Intellect*) — см. [GOLDBERG 1992], русский перевод и валидизация в [КНЯЗЕВ ET AL. 2010].

Голландские исследователи Б. де Раад и Й. П. ван Уденховен отмечают, что выделение эпитетов для составления психологического портрета личности и многочисленные работы по исследованиям системы ценностей (см., например, [ШВАРЦ 2008]) имеют схожий метод составления аппарата [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008]⁴: источником всего возможного многообразия эпитетов является словарь языка (по возможности, тезаурус). Авторы указывают на сходения между личностными чертами и ценностями [ibid.: 86–87]: например, и те, и другие вызывают предрасположенность индивидуума к определенным действиям в определенных условиях, а некоторые личностные черты по набору факторов совпадают с ценностями (например, такая личностная черта,

³ В то же время вторая часть постулата: “. . . чем более важно такое различие, тем больше вероятность того, что оно будет выражено одним словом” — вызвала критику не только со стороны психологов, но и со стороны лингвистов; даже если не принимать во внимание нечеткие границы слова как языковой единицы, очевидно, что существуют устойчивые сочетания слов, выражающие одно понятие (фразеологизмы), генерализованные выражения, гештальты и т. д. Сравним, с другой стороны, развитые синонимические ряды для разных концептов, часто важных для той или иной культуры, например, множественность имен бога в христианской и иудейской религиозной традиции.

⁴ Отметим, впрочем, что здесь имеются в виду только работы в русле психолексического подхода. Он не единственный для описания системы ценностей. Исследование ценностей может вестись не только через анализ эпитетов-автоописаний, но и через анализ нарративов, порождаемых в качестве реакций на ключевые слова. Этот метод применяется в проекте EUROJOS [АНТРОПОВ ET AL. 2016], а наиболее представительным изданием в настоящий момент является “Аксиологический лексикон славян и их соседей” [BARTMIŃSKI ET AL. 2015].

как уступчивость (*Agreeableness*), и такая ценность, как благожелательность (*Benevolence*) — [Ibid.: 93]). На основе существующих списков Б. де Раад и Й. П. ван Уденховен провели эксперимент в Нидерландах, на базе которого было сформулировано восемь ценностных факторов: благожелательность (*Benevolence*), любовь и счастье (*Love and Happiness*), организованность и достижение (*Organisation and Achievement*), компетенция (*Competence*), статус и комфорт (*Status and Comfort*), эстетика и эрудиция (*Aesthetics and Erudition*), духовность (*Spirituality*), семья и традиция (*Family and Tradition*) [Ibid.: 93–95] (там же см. описание каждого из факторов) и показана их связь с личностными чертами.

Живя в социуме, респонденты обладают агентивностью, т. е. имеют контроль над своим поведением; влияют своими действиями на других субъектов; их действия являются объектом оценки, в том числе в аспекте возможной ответственности (по [Duranti 2004: 453]). Система ценностей содержит в себе критерии для оценки действий иных членов социума, соответственно, через анализ этой системы можно показать, какие элементы социальных практик осознаются респондентами как важные для их сообщества. Это значит, что описание системы ценностей по данным языка позволяет задать контуры для описания идентичности респондентов. Существенно, что такие списки претендуют на всеохватность, тезаурусность, применимость к любой культуре, задавая пространство ее координат. Из этого есть два важных следствия. Во-первых, описание любой культуры по этой модели будет по определению меньше, чем возможный набор параметров. Во-вторых, поскольку разные культуры описываются в рамках одной системы координат, появляется возможность сравнивать их между собой на основании *tertium comparationis*.

Возможный набор оппозиций, через которые потенциально может определяться идентичность у островных групп, предлагается А. А. Плотниковой [2016а: 235 и далее] на материале Южной Славии и северных Балкан (одна из рассматриваемых в ее книге групп — старообрядцы-липоване в Румынии) и включает в себя такие параметры, как язык, религию, культурную традицию (определяемую через сочетание *своих* и *чужих* элементов и определение этих элементов на уровне дискурса), особенности проживания (сосуществование разных групп вместе или проживание в рамках замкнутой общины; экзогамия или эндогамия), гражданство (членам некоторых миноритарных островных групп соответствующие матичные государства могут предоставлять гражданство или особый статус и поддержку).

Перечисленные списки задают сетку значений, претендующую на известную степень полноты. Например, значительная часть статьи

Б. де Раада и Й. П. ван Уденховена [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008] посвящена установлению по возможности однозначных связей между выделенным для нидерландской культуры списком, иными универсальными и культурно-специфическими списками, и Большой пятеркой. Их подход можно описать как bottom-up “снизу вверх”: все возможные элементы лексико-семантического поля “описание личности человека” сводятся в последовательно укрупняющиеся кластеры, пока не приводятся к универсальным. Подход А. А. Плотниковой [2016А] обратный — top-down “сверху вниз”: определяются возможные области взаимодействия и противопоставления между двумя культурами, в каждой из которых затем возможно проводить анализ всё более глубоких уровней взаимодействия (и нижним порогом здесь будет анализ судьбы отдельных лексем (сравним подход в [Плотникова 2017А; еАЕМ 2017Б])). Как кажется, параметры, которые она задает, являются достаточными для описания отношений между островной группой и окружением (по крайней мере на материале славянских традиций в Юго-Восточной Европе). Можно ли объединить оба подхода для описания идентичности островной группы?

Для составления психологического профиля личности через ее языковое поведение и описания системы ценностей культуры существуют специальные тесты (тест NEO PI-R [Costa, McCrae 1992], см. также опыт применения этого теста для описания и сравнения разных культур: [McCrae, Allik 2002]). Применяемый при этом подход — ономаσιологический: использование тех или иных эпитетов в ответах респондентов воспринимается как свидетельство об определенных группах ценностей, актуальных для них (авторы приводят алгоритм для перехода от многообразных по форме и содержанию ответов респондентов к фиксированному списку ценностей — [De Raad, Van Oudenhoven 2008: 89–93]). Это значительно упрощает сбор материала и задачи исследователя: для достижения верифицируемых утверждений о системе ценностей сообщества достаточно собрать набор эпитетов по определенным критериям. При этом влияние интерференции на окончательные выводы исследователя (например, желания представить себя и свое сообщество в наиболее благоприятном виде в глазах внешнего наблюдателя) здесь сведено к минимуму: утверждения типа “Мы работающие” или “Мы религиозны” при таком методе анализа трактуются не тавтологически (“По словам представителей сообщества X, они религиозны”), а как свидетельство того, что для сообщества важны ценности группы “Организация и достижение” или “Духовность”. При этом, что исключительно важно, контуры системы ценностей сообщества задаются самими информантами (объективно для информантов

ценно именно то, о чем они заговаривают сами в ответ на открытые вопросы интервью).

Старообрядцы Польши традиционно противопоставляют себя окружению (полякам) по языку (русский vs. польский, хотя молодое поколение почти полностью перешло на польский язык), религии (древле-православие поморского согласия vs. римский католицизм), культурной традиции, особенностям проживания (до недавнего времени для старообрядцев была характерна эндогамия). Этническая принадлежность группы, как правило, противопоставляется польской и определяется ее членами как русская⁵. В то же время идентичность старообрядцев Польши по отношению к России и проживающим в ней русским (не-старообрядцам), а также по отношению к православным украинцам и белорусам определяется фактором гетероконфессиональности, который может включаться и выключаться в зависимости от коммуникативной ситуации (участников, темы и т. д.)⁶. Это создает амбивалентность, при которой декларируемое отношение к тем или иным сообществам может меняться даже в пределах одной коммуникативной ситуации. Поэтому при сборе материала для настоящего исследования было принято решение двигаться вслед за автоминациями и автогенерируемыми описаниями членов группы, уходя от упоминания поляков или русских в стимулах.

При ведении полевой работы среди старообрядцев Польши мы исходили из ряда критериев. С одной стороны, было важно получить материал по системе ценностей, достаточный для описания идентичности группы. С другой стороны, работа по этому направлению должна была вписываться в общие задачи экспедиционного коллектива⁷: сбор материала о языковой ситуации у старообрядцев Польши, запись продолжительных нарративов для анализа переключения и смешения

⁵ Сравним деятельность сельского ансамбля “Рябинушка”, который представляет Габове-Гронды и Бур на разных фольклорных мероприятиях в Польше и за рубежом. В репертуар ансамбля входят традиционные песни села, авторские песни одной из жительниц, авторские песни из России (“Выйду ночью в поле с конем”, слова А. Шаганова, музыка И. Матвиенко) и даже украинские (“Розпрягайте, хлопці, коней”, “Несе Галя воду”, “Ти ж мене підманула”), которые стали известны участницам из российских телевизионных программ.

⁶ Одно из самых последних по времени исследований идентичности старообрядцев Польши (региона Сувалок) см. в [SNARSKI 2017].

⁷ Во время интервью важным фактором была позициональность исследователей и информантов. В разное время определяющими становились разные слои идентичности исследователей: гендер (мужской / женский), этническое происхождение (русские), родной язык (русский), гражданство (россияне), конфессиональная принадлежность (в разговоре с информантами существенную роль играло частично старообрядческое происхождение одного из исследователей), брачный статус, городское происхождение.

кодов; наблюдение над разными формами смешанной польско-русской речи; наблюдение над тактиками интересубъективности [BUSCHOLTZ, HALL 2004: 382 et passim]; сбор материала по этнолингвистическим опросникам [Толстой 1983; Плотникова 1996] и т. д. Поэтому был определен следующий формат для сбора материала.

В интервью сбор информации по этнолингвистическим опросникам и вопросы о языковой ситуации использовались как стимулы для записи продолжительных нарративов, которые затем служили материалом для языкового анализа. Наблюдения над взаимодействием информантов с исследователями проводились в продолжение разговора и выявляли разные тактики интересубъективности, изменчивую позициональность и ее параметры. От сбора информации по тесту NEO PI-R и подобным было решено отказаться, поскольку это не дало бы возможности записать продолжительные нарративы, разговор свелся бы к перечислению эпитетов и просьбе оценить их, более того, названия эпитетов звучали бы на русском литературном языке, что совершенно не гарантировало, что их все мог бы понять носитель диалекта. Вместо этого после основного корпуса интервью мы задавали следующий вопрос-стимул: “Как бы вы описали староверов⁸? Какие они для вас?”⁹ При необходимости мы уточняли вопрос: “О немцах говорят, что они пунктуальные, о французах — что они легкомысленные. А вот как бы вы описали староверов?” Такого типа открытые вопросы позволяют получить реакции, не предусмотренные тестом (что и произошло в нескольких случаях, см. далее). Следует подчеркнуть, что исследование пилотное, и оно, во-первых, не ставит целью описать подробно идентичность старообрядцев Польши (оно ограничено одним регионом — Сувальским — и построено на ответах ограниченного количества респондентов), а во-вторых, его, безусловно, следует дополнять другими методами исследования идентичности (см. указанную работу К. Снарского — [SNARSKI 2017]). Речь скорее идет о том, чтобы задать контуры идентичности на основе автогенерируемых описаний, которые затем можно уточнять другими методами.

Всего в мини-корпус вошли высказывания 9 респондентов, см. таблицу 1:

⁸ Самоназвание представителей группы *староверы*, а не *старообрядцы*. Многие информанты подчеркивали, что для них существенно определять себя именно через *старую веру*, в отличие от никониан, которые отошли от веры предков, а принятие ими новых обрядов — уже следствие.

⁹ Я хотел бы выразить благодарность Бунеште Хакманеши (Университет Мумбаи), которая продемонстрировала, как этот метод применяется в полевых условиях, на Летней школе по антропологии, этнографии и сопоставительному фольклору Балкан в Конице (Греция, Университет Янины) в 2015 году.

Таблица 1. Сведения об информантах¹⁰

	пол	возраст	образование	место проживания ¹¹
JB	м	40–50	высшее	Białobrzegi
MG	м	50–60	высшее	Gabowe Grądy
AG	ж	60–70	среднее специальное	Gabowe Grądy
EG	ж	60–70	среднее	Gabowe Grądy
NS	ж	60–70	среднее	Suwałki
VA	ж	60–70	высшее	Augustów
FG	ж	60–70	среднее	Gabowe Grądy
PW	м	до 25	среднее	Wodзилki
TG	ж	старше 90	среднее	Gabowe Grądy

В качестве ответа на вопрос-стимул мы получали набор эпитетов, описания ситуаций, размышления над тем, что такое быть старообрядцем в Польше, продолжительные нарративы о повседневных практиках старообрядцев, всего тридцать шесть единиц (без учета синонимических — тридцать), которые можно свести в двадцать кластеров по подфакторам по классификации Б. де Раада и Й. П. ван Уденховена, которые затем сводятся в восемь ценностных факторов [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008] (см. таблицу 2)¹². Ответы информантов приведены в сжатом виде в транскрипции международным фонетическим алфавитом: консонантизм строго по МФА, вокализм при записи упрощен. Произношение информантов сильно варьируется между диалектным русским¹³, стандартным русским и стандартным польским (даже у одного информанта в разных отрезках нарратива) и часто требует специального программного обеспечения для определения качества гласных. По этой причине (а также для упрощения чтения записи) в безударных слогах степень редукции не отмечается и везде ставится этимологическая гласная (*a* или *o*). Ёканье не отмечается, но отмечается яканье (*n'ja znaju*).

¹⁰ Для сохранения анонимности респонденты обозначаются кодами (вторая буква — обозначение пункта записи).

¹¹ Совпадает с местом записи.

¹² Две ценности (чистый и справедливый) вынесены за пределы таблицы, поскольку им не нашлось места в исходной классификации.

¹³ Диалект старообрядцев Польши наиболее близок к западной группе среднерусских акающих говоров [ГРЕК-РАВИСОВА 1968: 167; РАЃКО-КОНИЕСЗНИАК, GRZYBOWSKI 2016: 16–17]; собственно, материнским ареалом в узком смысле для них, по всей видимости, являются области Новгорода и Пскова: [ГРЕК-РАВИСОВА 1968: 37] и по многим параметрам совпадает с диалектом старообрядцев Латгалии, где экспедиционный коллектив работал в июне 2016 года [Пилипенко 2016; Плотникова 2016б; Ганенкова 2017а; ЕАДЕМ 2017б].

Ударение отмечается только в случае отличия от литературного, а также в словах, которых нет в русском литературном языке.

Таблица 2. Реакции на вопрос-стимул

ценностный фактор	подфакторы ¹⁴	ценность	антиценность
благожелательность (<i>Benevolence</i>)	мирность, уступчивость, терпимость (peacefulness, agreeableness, tolerance)	МИРНЫЙ starov'ier [. . .] dołžen [. . .] n'ia s'ardit'sa (VA)	НЕМИРНЫЙ jeetʃ'takije, kotorije [. . .] spor'ut (AG); rugajut'sa (AG)
	правдивость (truthfulness) ¹⁵ :	ПРАВДИВЫЙ n'ie obmáns'f'siki (EG); n'ie vral'i (MG); n'ia l'gat'i (VA)	НЕПРАВДИВЫЙ obgovar'ivajut (AG)
	готовность помочь (supportiveness)	—	ЗАВИСТЛИВЫЙ zav'is'imije [. . .] (с объяснением): starov'iera koliet súkts'es [. . .] drugovo starov'iera (JB)
	обязательность (obligingness)	ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ odołził starov'ier, znaj što on oddast (EG)	—
	дружба (friendship)	БРАТСКИЙ brat'ija (TG)	—
	общительность (being social)	ЗНАКОМЫЙ f'ee poč'f't'i znakomije (AG)	—
		—	РАЗДЕЛЕННЫЙ sílno pod'élenije miezdu soboj (JB);
любовь и счастье (<i>Love and Happiness</i>)	любовь (love)	—	НЕЛЮБЯЩИЙ drug druga n'ie l'ubit (JB)
	дружественность, контактность (friendliness, contact)	ОТКРЫТЫЙ otkritie (AG)	—

¹⁴ Приводятся только релевантные для эпитетов, зарегистрированных у информантов. Если для одного эпитета релевантно несколько факторов, они приводятся все.

¹⁵ Этот подфактор не учитывается Б. де Раадом и Й. П. ван Уденховеном в кратком описании факторов ценностей [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 94], но он включен в семантический набор *благожелательности* вслед за Л. Л. Парксом, который пересматривает описание ценностей, выполненное С. Шварцем [ibid.: 108].

организованность и достижение (<i>Organisation and Achievement</i>)	трудолюбие (industriousness)	РАБОТЯЩИЙ rabotŕŕije (EG); kŕiepkŕije takŕije, za rabotŕŕije ludi (NS); rabotŕŕij (PW)	ЛЕНИВЫЙ jes'ti i łodirief (NS)
	образование (education)	ОБРАЗОВАННЫЙ otŕŕen' mnogo obrazovanix (AG)	—
компетенция ¹⁶ (<i>Competence</i>)		—	—
статус и комфорт (<i>Status and Comfort</i>)	репутация (reputation)	ИЗВЕСТНЫЙ sŕynuli (EG)	—
эстетика и эрудиция (<i>Aesthetics and Erudition</i>)		—	—
духовность (<i>Spirituality</i>)	идеализм (idealism)	ИСТИННЫЙ istinije (EG)	—
	религиозность (being religious)	ВЕРУЮЩИЙ vierujuŕŕije (EG); kŕiepkŕije v svojoj vieri (MG)	—
	приверженность религии (religious conviction)	СОБЛЮДАЮЩИЙ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ЗАПРЕТЫ nie kurŕilŕi (MG); nie pilŕi (MG); posniŕŕsalŕi fs'io vŕiem'a (NS)	—
		НАБОЖНЫЙ lublu v mol'ennuju hodzitŕ ŕŕasto (FG)	—
ЕДИНОВЕРНЫЙ jedinov'ernije moi (TG)	—		
семья и традиция (<i>Family and Tradition</i>)	традиция (tradition)	НЕИЗМЕННЫЙ kŕiepkŕije f sob'ie (MG); ludi zakopore (MG)	—
Вне классификации:	чистота	ЧИСТЫЙ nie biwo ŕtob mitŕ jamu (MG) ¹⁷	—
	справедливость	СПРАВЕДЛИВЫЙ spravedlivij (VA) ¹⁸	—

¹⁶ Подфакторы: "Decisiveness, self-assuredness, enterprising spirit, change, exploration, progressiveness, adventure, independence, autonomy, vigorousness, determination, career, freedom of will, courage, individuality" [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 94].

¹⁷ Не учитывается в [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 94], но включен в семантический набор *безопасности* (Security) вслед за Л. Л. Парксом [Ibid.: 108]. Иллюстрацию см. в нарративе 1.

Как видно из таблицы 2, полученные реакции показывают значительное разнообразие. Часто респонденты дают не в строгом смысле эпитеты, а свободные ассоциации. Чтобы включить их в таблицу, необходимо провести несколько семантических операций (выделить тему в соответствии с ближайшим по значению подфактором и сформулировать ее в адъективной форме: *nje obmánjŕšiki* (EG); *nje vralji* (MG); *nja łgatj* (VA)] ПРАВДИВЫЙ; *odolził starovier, znaj ŕto on oddast* (EG)] ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ и др.) Ценности при этом могут иметь положительный или отрицательный знак: в ответах староверы характеризуются и как обладающие некоторыми положительными качествами, и как не обладающие — к сожалению информанта, которое часто выражено лексическими средствами. Т. е. к каждой ценности можно подобрать соответствующую антиценность, соответствующую тому же ценностному фактору (МИРНЫЙ vs. НЕМИРНЫЙ, ПРАВДИВЫЙ vs. НЕПРАВДИВЫЙ, РАБОТЯЩИЙ vs. ЛЕНИВЫЙ и т. д.). В то же время и ценности, и антиценности складываются в некоторый идеальный образ старообрядца (который делает X и не делает Y), с которым говорящий (в отличие, например, от исследователя) так или иначе себя идентифицирует (ср. фрагмент диалога: “Исследователь 1: «староверы» [они] — это. . . Что вам в голову приходит? — FG: [. . .] *Naprimier, [ja] ljublu v molennuju chodzite ŕsasto*”).

Контекстное значение ряда слов может отличаться от ожидаемого: в этом случае я исхожу, конечно, из контекстного значения:

Нарратив 1 (MG)

Kriepkie f sobie. Kriepkie f sobie, nu kak možno inaŕše skazati? Kriepkije f sobie! Ih, znajete, skoko, skoko, skoko ih, kakie ispitanija? Skoko biadi, skoko feavo, a ih, i dalje dierzimea, nu. Kriepkije f svoih, kagritsa, v svoih, v svojoj vieri, nu. Nu eto starovieri. P[onji]majete, uže stoliko liet proflo, hoti bi ot raskola, trista, bolje liet, i mi veo jestsa, sohranili mi eto veo, nu. . . Kak vam skazati, nu, znajete ŕto ja vam skazu jeco, jeco do ŕtoroj mirovoj vojni f Polji biwo tak: starovier nie davaw prieagi v sudie. I jon biw, jon biw takij, eto, eto bili prosto takije ljudi, kotorije, kotorije nie vrali, jani, jani nja kurili, nja pili, p[onji]majete. Eto biwo to ŕto, starovier prihodiw f sut, i jon nie davaw prieagi ŕto jon nie budiet vrati, p[onji]majete, tak biwo. A jestso, jeco skazu ŕto tuta, v etoj dierievnie ko[g]dato prijezdaw, ieo eto bili da voemiatih got, prijezdaw direktor bolnitŕi. Jon prijezdaw suda v banju k nam. I jeeli, i jon, primerno, biw togda u nievo biw nariad, albo dizur, kak po polsku skazati, i jon primimaw ludiej v balnitŕu, i biwo tak ŕto kakaja dierievnia. Kak polskaja, to tak: v vannuju, miti, odjavati. Gabove Grondi, Bur — odjavati, f pawatu. Nie biwo ŕtob miti jamu, ponimajete? Znaw, ŕto kazdij starovier, i takoj, i takoj, i takoj, to jon ras toŕŕna v niedielju to biw v banie.

¹⁸ Также не учитывается в [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 94], но включен в семантический набор *универсализма* (Universalism) вслед за Л. Л. Парксом, а также в семантический набор *баланса* вслед за У. Реннером [ibid.: 108].

[. . .] Nu što, nu. Kriepkije v vieri svojoj, nje znaju kak inač̃e skazati odnim slovom takim, da. Upor. . . nje, nje upriamije, bo upriamije to duraki, no? Alje takije. . . kriepkije v svojoj vieri.

На мой взгляд, в данном случае было бы неправильно относить слова “jani nje kurili, nje pili” к фактору “Статус и комфорт” (ср. соответствующие подфакторы по [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 94]: “Статус, благополучие, собственность, репутация, успех, награда, совершенствование, эротичность, сексуальность, процветание, элегантность, честь, гордость, еда, стиль”¹⁹), поскольку они идут в ряду “Kriepkije f sobie; nje vrali; nja kurili, nja pili; kriepkije v svojoj vieri”, т. е. сводятся, в конечном счете, к соблюдению религиозных предписаний (сюда же и “posnič̃salij f sio vriemja” (NS) — безусловно, идея здесь совсем не в еде/питье, а в соблюдении религиозных предписаний).

Рассказ о бане, конечно, не вписывается в рамки ценностей, выделяемых по факторам, хотя баня — один из важнейших элементов “старообрядческого текста”²⁰, во всяком случае в применении к Польше. Наши информанты подчеркивали, что баня есть только у них и отличает даже зрительно старообрядческое хозяйство от польского. Конечно, мотив чистоты, как известно, — один из важнейших в славянской народной культуре и традиционной модели мира, ср. с соответствующим списком: “Чистота. . . сближается с белым, целым, первым, новым, нетронутым, правильным, святым, божественным, своим, и противопоставляется грязному, старому, использованному, грешному, демонологическому, чужому” [ВАЛЕНЦОВА 2014: 547]. Исходя из факторов Б. де Раада и Й. П. ван Уденховена, чистоту затруднительно было бы отнести к одной категории: здесь и “статус и комфорт”, и “эстетика”, и “семья и традиция”, и даже “духовность”. В их классификации чистота вообще отсутствует, но С. Шварц (система факторов у которого устроена несколько отличным образом) включает ее в семантический набор безопасности (*Security*: “национальная безопасность, услуги на взаимной основе, семейная безопасность, чувство принадлежности, социальный порядок, здоровый, чистый”²¹): “мотивация этого типа ценностей — безопасность, гармония и стабильность общества, отношений между людьми и индивидуума” [SCHWARTZ 1992: 9].

Кроме того, в классификацию факторов ценностей по Б. де Рааду и Й. П. ван Уденховену не вписывается также СПРАВЕДЛИВОСТЬ (очевидно,

¹⁹ “Status, wealth, property, standing, beauty, reputation, success, reward, perfection, eroticism, sexuality, prosperity, elegance, honour, pride, food, style.”

²⁰ Если выделять его по аналогии с “Петербургским текстом” [ТОПОРОВ 2003; ИДЕМ 2009].

²¹ “National security, reciprocation of favors, family security, sense of belonging, social order, healthy, clean” [SCHWARTZ 1992: 6].

она “повисает” между “благожелательностью” и “организацией”²². С. Шварц рассматривает ее как ценность круга универсализма (*Universalism*: “равенство, единство с природой, мудрость, мир красоты, социальная справедливость, широкие взгляды, защита окружающей среды, мир в мире”)²³ [SCHWARTZ 1992: 7].

Конечно, отнесение каждой из ценностей только к одной ячейке таблицы — некоторая условность, сравним следующий нарратив:

Нарратив 2 (VA)

Nu, ja bi skazała, starovier do. . . хотѐу skazati po-pol'ski, pšede wšistkim... dołžen biti spraviedlivij, nie łgati, nie łgati, nie sierdiitsa, nu? Nu bo kak budieš Boгу molitsa, da? Jesli sierdiisisia?

Как видно из примера, поведение по отношению к другим людям, которое в таблице включено в фактор “благожелательность” (мирность, уступчивость, терпимость, правдивость и т. д.) имеет религиозную мотивировку. Так же и с подфакторами “справедливость”, “традиция”: их вторичный мотивационный тип — это “духовность” (по Ш. Шварцу [SCHWARTZ 1992]).

По приведенной таблице вырисовывается следующая система ценностей старообрядцев Польши. Самый важный ценностный фактор — “благожелательность” (*пять* ценностей: мирный, правдивый, обязательный, братский, знакомый, *четыре* антиценности: немирный, неправдивый, завистливый, разделенный, причем выделяется две пары ценность / антиценность: мирный / немирный, правдивый / неправдивый). К этому фактору относится двенадцать реакций информантов.

Второй по важности ценностный фактор, в случае рассматриваемого сообщества тесно связанный с фактором “благожелательность” — “духовность” (*пять* ценностей: истинный, верующий, соблюдающий религиозные запреты и предписания, набожный, единоверный, *восемь* реакций информантов). Этот фактор в качестве вторичного определяет также ряд эпитетов, связанных с другими факторами: неизменный (первичный фактор “семья и традиция”, вторичный фактор “духовность”), братский (первичный фактор “благожелательность”), справедливый (вне классификации).

Третий по важности ценностный фактор — “организованность и достижение” (две ценности: работающий и образованный; одна

²² Справедливость (justice) учитывается ими при сравнении разных систем анализа ценностей [DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008: 98], но ее неожиданное отсутствие среди факторов ценностей, к сожалению, никак не комментируется.

²³ “Equality, unity with nature, wisdom, a world of beauty, social justice, broad-minded, protecting the environment, a world at peace” [IBID.].

антиценность: ЛЕНИВЫЙ; выделяется пара РАБОТЯЩИЙ / ЛЕНИВЫЙ; всего *четыре* реакции).

Остальные ценностные факторы (“любовь и счастье”, два эпитета, две реакции; “статус и комфорт”, один эпитет, одна реакция; а также подфактор “чистота”, находящийся вне классификации де Раада и ван Уденховена), судя по выборке, носят периферийный характер (а факторы “компетенция” и “эстетика и эрудиция” — ни одной реакции — и вовсе за пределами системы ценностей, восстанавливаемой на основе выборки).

Из всего набора оппозиций, через которые может определяться идентичность у островных групп [Плотникова 2016а: 235 и далее]: язык, религия, культурная традиция, особенности проживания, гражданство, у староверов Польши, как можно судить на основе полученной выборки, самую важную роль играет религия, к которой в случае рассматриваемой группы примыкает культурная традиция (представлена в выборке только одной ценностью: неизменный). Особенности проживания (тесная связь внутри группы, но в то же время ее размывание в связи с миграциями населения) также находят отражение в реакциях (сравним ценности БРАТСКИЙ, ЗНАКОМЫЙ vs. РАЗДЕЛЕННЫЙ). В то же время такие параметры, как язык и гражданство, никак не отражаются в полученных реакциях. Связь этих параметров с идентичностью старообрядцев Польши следует выявлять на основе полуструктурированных интервью. Судя по всему, то, что особый язык группы не присутствует в реакциях, объясняется языковым сдвигом, который переживает сообщество (сравним диалог: Исследователь 1: Староверы ни по-украински, ни по-белорусски не говорят, они. . . JB (перебивая): Ni po-ruski. Ni po-ruski. . .)²⁴.

Библиография

АНТРОПОВ ET AL. 2016

Антропов Н., Плотникова А., Толстая М., “Международная конференция «Славянская этнолингвистика: методы, результаты, перспективы»”, *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 4, 2016, 271–277.

ВАЛЕНЦОВА 2014

Валенцова М. В., “Чистота”, in: Н. И. Толстой, общ. ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 5, Сказка – Ящерица, Москва, 2014, 547–552.

ГАНЕНКОВА 2017А

Ганенкова Т. С., “Полевые заметки о языке старообрядцев Латгалии”, in: *Emigrantologia Słowian*, Toruń, 2017, 25–31.

²⁴ О современных процессах в языке старообрядцев Польши см. [Глушковски 2014: 89–98], там же ссылки на другие работы по этой теме.

——— 2017б

ГАНЕНКОВА Т. С., “О языковой и этнолингвистической ситуации старообрядцев Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши и Латгалии”, *Вестник славянских культур*, 4, 2017 (в печати).

Глушковски 2014

Глушковски М., “Особенности языка среднего поколения старообрядцев сувальского и августовского регионов”, in: D. PAŚKO-KONIECZNAK, M. ZIÓŁKOWSKA-MÓWKA, M. GŁUSZKOWSKI, S. GRZYBOWSKI, red., *Staroobrzędowcy za granicą II. Historia. Religia. Język. Kultura*, Toruń, 89–98.

Князев et al. 2010

Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Бочаров В. А. “Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов ‘большой пятерки’»”, *Психологический журнал*, 31/5, 2010, 100–110.

Пилипенко 2016

Пилипенко Г. П., “Полевое исследование старообрядцев в Латвии”, *Славянский альманах*, 3–4, 2016, 504–509.

Плотникова 1996

Плотникова А. А., *Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*, Москва, 1996.

——— 2016а

Плотникова А. А., *Славянские островные ареалы: архаика и инновации*, отв. ред. С. М. Толстая, Москва, 2016.

——— 2016б

Плотникова А. А., “Об экспедиции к латгальским староверам”, *Живая старина*, 4, 2016, 50–53.

——— 2017а

Плотникова А. А., “Традиции старообрядцев в иноэтничном и иноязычном окружении. Старообрядческие поселения в Добрудже”, *Балканистичен форум = Balkanistic Forum*, 26/3, 2017, 166–180.

——— 2017б

Плотникова А. А., “О лексике старообрядцев Румынии в историко-сопоставительной ретроспективе”, in: *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 12: *Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*, Москва, 2017, 377–392.

Толстой 1983

Толстой Н. И., отв. ред., Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М., ред., *Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования*, Москва, 1983.

Топоров 2003

Топоров В. Н., *Петербургский текст русской литературы. Избранные труды*, С.-Петербург, 2003.

——— 2009

Топоров В. Н., *Петербургский текст*, Москва, 2009.

Цивьян 2009

Цивьян Т. В., *Модель мира и ее лингвистические основы*, Москва, 2009.

Шварц 2008

Шварц Ш., “Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий”, *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5/2, 2008, 36–67.

BARTMIŃSKI ET AL. 2015

BARTMIŃSKI J., BIELIŃSKA-GARDZIEL I., ŻYWICKA B., red., *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, Lublin, 2015.

BUCHOLTZ, HALL 2004

BUCHOLTZ M., HALL K., "Language and Identity," in: A. DURANTI, ed., *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden (MA), 2004, 369–394, DOI: 10.1002/9780470996522.ch16

DE RAAD, VAN OUDENHOVEN 2008

DE RAAD B., VAN OUDENHOVEN J. P., "Factors of Values in the Dutch Language and Their Relationship to Factors of Personality," *European Journal of Personality*, 22, 81–108.

DURANTI 2004

DURANTI A., "Agency in Language," in: IDEM, ed., *A companion to linguistic anthropology*, Malden (MA), 2004, 451–473, DOI: 10.1002/9780470996522.ch20

COSTA, MCCRAE 1992

COSTA P. T., MCCRAE R. R., *Revised NEO Personality Inventory and NEO Five Factor Inventory Professional Manual*, Odessa (FL), 1992.

MAHER, TETREAULT 1993

MAHER F. A., TETREAULT M. K., "Frames of Positionality: Constructing Meaningful Dialogues about Gender and Race", *Anthropological Quarterly*, 66/3 (= *Constructing Meaningful Dialogue on Difference: Feminism and Postmodernism in Anthropology and the Academy*, 2), 1993, 118–126, DOI: 10.2307/3317515

MCCRAE, ALLIK 2002

MCCRAE R. R., ALLIK J., eds., *The Five-Factor Model of Personality Across Cultures*, New York, 2002.

JOHN ET AL. 1988

JOHN O. P., ANGLEITNER A., OSTENDORF F., "The Lexical Approach to Personality: A Historical Review of Trait Taxonomic Research," *European Journal of Personality*, 2, 1988, 171–203.

GŁUSZKOWSKI 2011

GŁUSZKOWSKI M., *Sociologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń, 2011.

GOLDBERG 1992

GOLDBERG L. R., "The Development of Markers for the Big-Five Factor Structure," *Psychological Assessment*, 4, 1992, 26–42.

GREK-PABISOWA 1968

GREK-PABISOWA I., *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

——— 1999

GREK-PABISOWA I., *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej*, Warszawa, 1999.

PAŚKO-KONIECZNIK 2016

PAŚKO-KONIECZNIK D., "Historia i osadnictwo," in: D. PAŚKO-KONIECZNIK, M. ZIÓŁKOWSKA-MÓWKA, M. GRUPA, S. GRZYBOWSKI, A. JASKÓLSKI, M. GŁUSZKOWSKI, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Toruń, 2016, 15.

PAŚKO-KONIECZNIK, GRZYBOWSKI 2016

PAŚKO-KONIECZNIK D., GRZYBOWSKI S., "Dwujęzyczność i charakterystyka gwary macierzystej," in: D. PAŚKO-KONIECZNIK, M. ZIÓŁKOWSKA-MÓWKA, M. GRUPA, S. GRZYBOWSKI, A. JASKÓLSKI, M. GŁUSZKOWSKI, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Toruń, 2016, 16–17.

SCHWARTZ 1992

SCHWARTZ S. H., "Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries," *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1992, 1–65.

SNARSKI 2017

SNARSKI K., "Współczesna tożsamość kulturowa staroobrzędowców zamieszkałych na Suwalszczyźnie" (praca doktorska, Lublin, 2017).

References

- Antropov N., Plotnikova A., Tolstaya M., "Mezhdunarodnaia konferentsiia 'Slavianskaia etnolingvistika: metody, rezul'taty, perspektivy'," *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 4, 2016, 271–277.
- Bartmiński J., Bielińska-Gardziel I., Żywicka B., red., *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, Lublin, 2015.
- Bucholtz M., Hall K., "Language and Identity," in: A. Duranti, ed., *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden (MA), 2004, 369–394, DOI: 10.1002/9780470996522.ch16
- De Raad B., Van Oudenhoven J. P., "Factors of Values in the Dutch Language and Their Relationship to Factors of Personality," *European Journal of Personality*, 22, 81–108.
- Duranti A., "Agency in Language," in: A. Duranti, ed., *A companion to linguistic anthropology*, Malden (MA), 2004, 451–473, DOI: 10.1002/9780470996522.ch20
- Costa P. T., McCrae R. R., *Revised NEO Personality Inventory and NEO Five Factor Inventory Professional Manual*, Odessa (FL), 1992.
- Maher F. A., Tetreault M. K., "Frames of Positionality: Constructing Meaningful Dialogues about Gender and Race", *Anthropological Quarterly*, 66/3 (= *Constructing Meaningful Dialogue on Difference: Feminism and Postmodernism in Anthropology and the Academy*, 2), 1993, 118–126, DOI: 10.2307/3317515
- McCrae R. R., Allik J., eds., *The Five-Factor Model of Personality Across Cultures*, New York, 2002.
- John O. P., Angleitner A., Ostendorf F., "The Lexical Approach to Personality: A Historical Review of Trait Taxonomic Research," *European Journal of Personality*, 2, 1988, 171–203.
- Ganenkova T. S., "On the Language of the Old Believers in Latgale," in: *Emigrantologia Słowian*, Toruń, 2017, 25–31.
- Ganenkova T. S., "On Linguistic and Ethnolinguistic Situation of Old Believers in Polish Counties of Suwalki, Sejny, and Augustow and in Latgale," *Vestnik Slavianskikh Kultur—Bulletin of Slavic Cultures*, 4, 2017 (in print).
- Głuszkowski M., *Sociologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń, 2011.
- Głuszkowski M., "Characteristic Features of the Language of the Old Believers' Middle-aged Generation in Suwałki and Augustów Region," in: D. Paško-Konecniak, M. Ziółkowska-Mówka, M. Głuszkowski, S. Grzybowski, eds., *Staroobrzędowcy za granicą II. Historia. Religia. Język. Kultura*, Toruń, 89–98.
- Goldberg L. R., "The Development of Markers for the Big-Five Factor Structure," *Psychological Assessment*, 4, 1992, 26–42.
- Grek-Pabisowa I., *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.
- Grek-Pabisowa I., *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej*, Warszawa, 1999.
- Knyazev G. G., Mitrofanova L. G., Bocharov A. V., "Validization of Russian Version of Goldberg's 'Big-Five Factor Markers' Inventory," *Psichologicheskii Zhurnal*, 31/5, 2010, 100–110.
- Paško-Konecniak D., "Historia i osadnictwo," in: D. Paško-Konecniak, M. Ziółkowska-Mówka, M. Grupa, S. Grzybowski, A. Jaskólski, M. Głuszkowski, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Toruń, 2016, 15.
- Paško-Konecniak D., Grzybowski S., "Dwujęzyczność i charakterystyka gwary macierzystej," in: D. Paško-Konecniak, M. Ziółkowska-Mówka, M. Grupa, S. Grzybowski, A. Jaskólski, M. Głuszkowski, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Toruń, 2016, 16–17.
- Pilipenko G. P., "Fieldwork on the Old Believers in Latvia," *Slavic Almanac*, 3–4, 2016, 504–509.
- Plotnikova A. A., *Materialy dlia etnolingwisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala*, Moscow, 1996.
- Plotnikova A. A., *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhajka i innovatsii*, ed. by S. M. Tolstaya, Moscow, 2016.
- Plotnikova A. A., "Ob ekspeditsii k latgal'skim staroveram," *Zhivaia starina*, 4, 2016, 50–53.
- Plotnikova A. A., "Traditions of the Old Believers in the Foreign Ethnic and Linguistic Environment," *Balkanistic Forum*, 26/3, 2017, 166–180.
- Plotnikova A. A., "O leksike staroobriadtsev Rumynii v istoriko-sopostavitel'noi retrospective," *Slavic World in the Third Millennium*, 12, Moscow, 2017, 377–392.
- Schwartz S. H., "Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries," *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1992, 1–65.
- Schwartz S. H., "Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences," *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 5/2, 2008, 36–67.
- Tolstoy N. I., Gura A. V., Ternovskaya O. A., Tolstaya S. M., eds., *Polesskii etnolingwisticheskii sbornik: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1983.
- Toporov V. N., *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy*, St. Petersburg, 2003.
- Toporov V. N., *Peterburgskii tekst*, Moscow, 2009.
- Tsivjan T. V., *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy*, Moscow, 2009.
- Valentsova M. V., "Chistota," in: N. I. Tolstoy, ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingwisticheskii slovar'*, 5, Moscow, 2014, 547–552.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 16-18-02080.

Максим Максимович Макарецв, канд. филол. наук
Институт славяноведения РАН,
старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного
языкознания
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia
makartsev@bk.ru

Received March 31, 2017